

Читайте в серии:

В. Кунин «Интердевочка»

В. Кунин «Сошедшие с небес»

О. Руднев «Долгая дорога в дюнах»

О. Руднев «Долгая дорога в дюнах II.
История продолжается»

О. Руднев «Рейс 317»

И. Грекова «Хозяйка гостиницы»

К. Шахназаров «Курьер»

И. Грекова «Свежо предание»

Ирина Велембовская

Женщины

АЗБУКА

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
В 27

Разработка серии и дизайн обложки
Анастасии Ивановой

Велембовская И.

В 27 Женщины : повести / И. Велембовская. – М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. – 416 с. – (Как мы жили. Лучшее в советской прозе).

ISBN 978-5-389-28113-4

Когда в почете были книги об успехах советского строительства, о трудовых подвигах, Велембовская писала о простых людях и их совсем не героической жизни. О том, как порой трудно, почти невыносимо бороться с обстоятельствами, как горько, что приходится мириться с несправедливостью. И это находило отклик в сердцах читателей.

Ирина Велембовская рассказывает о своих персонажах с большой любовью, и читатель вслед за ней проникается к ним любовью и сочувствием.

Несколько деталей, характерная речь, описание внешности – и вот герои становятся живыми людьми. Так похожими на нас, нынешних, тоже ищущих счастье, любовь, понимание, тепло.

Именно поэтому написанные в 60–70-х годах прошлого века романы и повести Ирины Велембовской читаются сегодня на одном дыхании.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© И. Велембовская, наследники, 2025

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
Издательство АЗБУКА®

СЛАДКАЯ ЖЕНЩИНА

Восьмого марта тысяча девятьсот семьдесят первого года, как раз в женский праздник, в одном из старых, агонизирующих перед сносом домов в Черкизове около девяти часов вечера раздался на лестнице звук падения. Один из жильцов услышал, открыл дверь и увидел, что на площадке лежит без признаков сознания женщина, очень прилично одетая и еще довольно молодая. В соседнем подъезде громко пели и веселились по случаю праздника, и жилец-пенсионер подумал, что женщина эта забрела сюда, что называется, с пьяных глаз. Он уже хотел захлопнуть свою дверь, но потом подошел, поглядел и понял, что дело не так.

Минут через пятнадцать приехала скорая, и пострадавшую отвезли к Склифосовскому. При ней нашли пропуск, удостоверяющий, что она является работницей карамельного цеха одной из московских кондитерских фабрик Доброхотовой Анной Александровной.

Утром следующего дня было сообщено на фабрику о происшествии с Доброхотовой. Там уже знали, что она не вышла на смену, но ничего не подозревали о причинах. Тем более что все видели ее седьмого марта на

вечере, посвященном Международному женскому дню. Она даже сидела в президиуме. И очень удивились, почему это она вдруг оказалась в Черкизове, когда живет в районе Бутырок.

Состояние Доброхотовой было определено врачами как состояние «тяжелое реактивное». В больнице она вскоре пришла в себя и не переставала плакать. Но по всему было видно, что плачет она не от боли, а словно бы от жестокой обиды. Из-под опущенных век выбегали крупные слезы, стекали по щекам, а оттуда – на желтую бязь наволочки. О чем же она все время плачет, Доброхотова ни одним словом не желала объяснить и очень болезненно реагировала на расспросы.

Молоденький студент-практикант, дежуривший возле Доброхотовой и присутствовавший при ее обследовании, обратил внимание, как приятно и сладко от нее пахло, чем-то ванильным, шоколадным. Он также обратил внимание и на то, что сильно развитая мускулатура рук, плеч да и всего тела этой еще далеко не пожилой женщины не соответствует совершенно безвольному, бессильному ее состоянию.

И все-таки, несмотря ни на что, это была красивая, крупная и, казалось бы, вся для счастья созданная женщина. Хороши были у нее светлые спутанные волосы, хороши голубые глаза, полные слез. На минутку она как будто бы успокоилась и задремала, но тут же сильно вздрогнула и открыла глаза. Молоденький и еще робкий в обращении с больными студент взял ее руку. Их глаза встретились. Что-то во взгляде этой больной смутило его и заставило отвернуться.

Дальнейшее обследование показало, что Доброхотова А. А., 1930 года рождения, ранее сердечными заболе-

ваниями не страдала и никаких психопатических отклонений, которые могли бы повлечь за собой состояние, приведшее к падению с лестницы, не имела. Врачи заподозрили, не было ли совершено какое-нибудь хулиганское действие по отношению к пострадавшей, и об этом было тут же сообщено в милицию.

С кондитерской фабрики, где работала Доброхотова, приходили подежурить возле нее товарки-карамельщицы. Приносили передачи, к которым Анна Александровна почти не притронулась. Она уже не плакала. Забинтованная и утянутая в гипсовый корсет, она лежала тихо и неподвижно, словно придавленная большой тяжестью. Появившийся по делу Доброхотовой лейтенант милиции решил к ней с расспросами не подступаться, а направился в Черкизово. Он вошел в тот подъезд, где восьмого марта Доброхотову нашли без чувств, и стал обходить квартиры, чтобы дознаться, к кому или от кого она в тот вечер шла.

Дом был старый, деревянный, по две коммунальные квартиры на этаже. Часть жильцов из него уже выехала, получив ордера на новую жилплощадь. Те, кто еще в этом доме жил, никакой Доброхотовой не знали. Значит, лейтенанту милиции нужно было опросить и тех, кто уже выехал. Времени это заняло много, потому что расселяли черкизовских жильцов по самым разным местам: и в Бескудники, и в Матвеевскую, и в Теплый Стан.

Посетил лейтенант и дом, где была квартира Доброхотовой, на Бутырках. Жильцы сказали, что несколько раз в эту зиму видели мужчину средних лет, звонившего в квартиру к Анне Александровне. А ее ближайшая соседка по лестничной клетке слышала даже однажды, как Аня спросила из-за двери: «Тихон, ты?»

Лейтенант проверил: в деревянном доме в Черкизове никакой Тихон прописан не был.

А сама Доброхотова уже чувствовала себя получше, съела что-то из принесенной ей сотрудницами передачи. Попросила зеркальце и сделала попытку привести в порядок свои богатые светлые волосы со следами рыжины на концах: когда-то она красилась.

Во время очередного посетительного часа одна из товарок спросила ее:

– Аня, а что бы Юру твоего вызвать?

Юра – это был сын Анны Александровны, который учился в одном из ленинградских высших военных училищ.

– Не надо, – тихо сказала Доброхотова. – Что уж теперь?..

В начале апреля с Доброхотовой сняли гипс и отправили домой в сопровождении двух сотрудниц с фабрики. По дороге, пока ехали в такси, Анна Александровна улыбалась, пробовала шутить, но как только вошла в свою однокомнатную квартиру, вся сникла, губы у нее задрожали.

Сотрудницы посидели с ней, постарались успокоить, обещали навещать ее как можно чаще, а уходя, попросили ближних соседей приглядеть, помочь, если что. С этого вечера в квартире у Ани Доброхотовой раза два-три в день раздавался осторожный звонок: соседи спрашивали, не надо ли чего. Это были люди, с которыми раньше она почти никакого общения не имела.

Фабричный комитет со своей стороны выделил Ане денежное вспомоществование и предложил путевку в дом отдыха. От путевки этой Аня отказалась, ссылаясь

на перемену в настроении и желание поскорее, как только кончится у нее больничный лист, выйти в свой цех.

Ответственного по подъезду в доме, где проживала Аня, милиция попросила на всякий случай, если будет замечен этот таинственный Тихон, сообщить в отделение. Но Тихона больше не видели. Да и зачем его было искать? Потерпевшая никаких претензий не заявляла, а наоборот, чтобы всему положить конец, сказала, что на лестнице в черкизовском доме не горел свет, поэтому она и упала.

– Света действительно не было, – подтвердили и жильцы из Черкизова.

1

На Ярославском вокзале села в вагон электрички женщина, заняла первую от входа лавочку на два места, где бы напротив нее никто не мог сесть, положила свои сумки и сразу отвернулась к окну. Глаза у нее были сильно заплаканы, и она, видимо, не хотела, чтобы кто-нибудь мог смотреть ей в лицо.

С каждой остановкой пассажиров не убавлялось, а прибавлялось: было холодное сентябрьское предвечерье, и люди с ночи ехали по грибы. Уже в Пушкине грустной женщине пришлось подвинуться: рядом с ней сел грибник, высокий черноволосый видный мужчина в затертом и порванном плаще и с большой старой грибной корзиной, дно у которой все прохудилось и затянута было поржавевшей проволокой.

Конечно, грибнику смешно ехать в лес во всем хорошем. Но на этом и плащ, и рубашка могли быть почище. И если бы черные, с легкой сединкой на висках волосы

были бы покороче подстрижены, то не так почернел бы и засалился ворот. Женщине это сразу бросилось в глаза, даже заплаканные.

Когда холодный резиновый сапог усевшегося рядом грибника нечаянно коснулся ноги соседки, она вздрогнула и отдернула ногу.

– Виноват! – вежливо сказал грибник.

Тут он заметил, что соседка его в слезах, и посмотрел на нее очень внимательно. На других скамейках шла оживленная карточная игра. Рядом, через проход, длинноволосый парень прижимал к себе дремлющую раскрашенную девчонку. В предвкушении новых грибных «уловов» делились воспоминаниями о черных груздях и опятах грибники-пенсионеры. И никому не было дела до слез этой женщины, что сидела у самого выхода. Никому, кроме вошедшего в Пушкине высокого мужчины в старых резиновых сапогах.

– Что это вы так расстраиваетесь? – спросил он.

Женщина вдохнула в себя слезы и не ответила. Поспешно достала платок и зеркальце. Несмотря на дрожащие губы, покрасневший нос и мокрые глаза, она была довольно красива, хотя и немолода. Но кое-что в этой женщине, хотя бы голубой плащ-болонья и высокая прическа с пучком-шишкой ярко-рыжего цвета, было данью стандарту. Сама она, видимо, этого не подозревала и считала, должно быть, что выглядит достаточно интересно и модно. К тому же весь костюм ее был предельно аккуратен: ни пятнышка на голубом плаще, свежие босоножки, нейлоновый шарфик, прикрывающий пучок-шишку и собранный бантом под круглым приятным подбородком.

Спрятав мокрый платок, женщина решилась все-таки взглянуть на своего соседа. Их глаза встретились: ее – голубые, плачущие, и его – карие, лихие, под густыми четкими бровями. Побрит он был неважно, наверное, мешали две глубокие складки на обеих щеках.

– На дачу, что ли, едешь, рыженькая? Продуктов-то набрала.

Она хотела резко ответить на «рыженькую». Но это у нее не получилось.

– Нет, в деревню еду. Мама умерла, завтра девятый день... Пришлось отпуск просить, отметить нужно: все-таки в деревне пока с этим еще считаются. Мама тоже большое значение придавала...

– Точно, отметить не мешает, – все так же весело согласился сосед, будто речь шла не о поминках, а о каком-то радостном событии. – А главное, дорогая, ты не плачь. Ты лучше нас жалеешь, живых!

Что он этим хотел сказать? Заигрывал, что ли? Женщина отвернулась, желая показать, что ей сейчас не до того.

Но кареглазый не унимался:

– А я по грибы. Святое дело!.. Ходишь леском, ощущаешь природу. Тут тебе груздь попадет, там, глядишь, беленький. Радостей-то сколько! Верно, рыженькая?

«Рыженькая» подумала, что ее сосед слегка под градусом, поэтому и лезет с разговорами. Но вином от него вроде бы не пахло, и ни в кармане плаща, ни за пазухой, ни в корзине не видно было бутылки, с которой путешествуют в лес многие грибники.

– А то поедемте к нам в деревню, – вдруг почти игриво пригласила она. – У нас грибов этих сколько хочешь, коробами волокут.

Сказала и спохватилась: куда же это она зовет совсем незнакомого человека? Ей от станции идти пешком почти три километра по глухой дороге, с собой порядочные деньги. А такой дяденька что хочешь с тобой сотворить может.

Но «дяденька» затряс головой:

– Не подойдет. У меня свои места.

Женщина поймала себя на том, что уже не плачет. Нос у нее утратил красноту, подсохли глаза. Она еще раз взглянула на себя в зеркальце, перевязала шарфик. И вдруг, совсем того не собираясь делать, с чисто женской непоследовательностью рассказала своему соседу, которого только что готова была заподозрить во всех смертных грехах, все, что надо и не надо: до какой станции она едет, как называется их деревня, отчего умерла мать и что после нее осталось и т. п.

– Не знаю, как с домом быть. Продать бы его надо, а посоветоваться не с кем. Сын в Ленинграде, военно-служащий...

– А муж?

– Да разошлись мы, знаете ли... Человек был трудный.

Кареглазый усмехнулся:

– Ишь ты, «трудный»!.. А ты, значит, легкая? Ну, поглядим. – И он подвинулся к ней. – А зовут как?

– Анна Александровна...

– Ньюша, значит? Анята?

– Это почему же Анята?.. Аня.

Он ласково положил ей ладонь на плечо.

– Ты не Аня, и я не Тиша. Чего уж молодиться?.. Будем знакомы: Тихон Дмитриевич.

Она дернула плечом, освобождаясь от его руки. Что это значит – «молодиться»? Сорок два года – это еще

до старости далеко. И тут же подумала, что зря сказала про сына: сразу свой возраст выдала.

Аня постаралась сообразить, кто он такой, этот Тихон Дмитриевич. День был будний, а его несло в лес по грибы. Если отпуск у человека, так уж ехал бы куда-нибудь в дом отдыха или к родне. А то охота такому дяде мотаться по электричкам с худой корзиной! Ладно, если хоть для себя грибы эти собирает, а то, может быть, на рынке их продает по рублю за три гнилых гриба.

– На каком производстве работаете?

– На самом хорошем.

Все это было как-то подозрительно. Аня даже немножко отодвинулась. А Тихон Дмитриевич достал пачку «Памира» и закурил, пренебрегая запретом курить в вагонах электрички.

Горе по матери-покойнице не совсем лишило Аню аппетита. Она достала из сумки булку, плавленый сырок, потом еще купила у проходящей по вагону мороженщицы пачку пломбира. Но есть одной было как-то неудобно.

– Поделиться могу с вами.

– Спасибо, рыженькая моя, не хочу.

Когда доехали до платформы 83-й километр, Тихон Дмитриевич вздел веревку от своей корзины через плечо и поднялся.

– До свидания, Анна Александровна. Гляди, больше не плачь.

– До свидания, – уже холодно ответила Аня, утираясь после мороженого.

Он вышел в тамбур, оттолкнув дверь резиновым сапогом. Еще с минуту видна была через стекло его

высокая фигура, но он ни разу на Аню не оглянулся, и она с горечью подумала: чего тогда и лез знакомиться?

Зашипели наружные двери. Тихон Дмитриевич сошел на платформу и затерялся среди высадившихся грибников.

В Александрове Ане предстояла пересадка, и она села на платформе под фонарем ждать своего поезда. Хорошо бы зайти после трехчасового пути в туалет, но оставить сумки было не на кого, а идти туда с продуктами Аня брезговала.

И вдруг она опять увидела Тихона Дмитриевича. Он вышел из вокзального буфета, что-то жуя, и пошел в другой конец платформы. Потом еще раз прошел мимо Ани. Она не могла ошибиться: своими глазами она видела, как полчаса назад он сошел на 83-м километре. И ей пришла в голову мысль: уж не выслеживает ли ее тут этот человек? Аня была не из пугливых, но теперь испугалась, схватила свои сумки и побежала в вокзал посмотреть, нет ли случайно кого-нибудь из знакомых с их станции. Но никого не нашла.

Тихон Дмитриевич в третий раз прошествовал мимо. Ане показалось, что теперь он ее заметил, но не показал вида. Это уже было совсем подозрительно. Ее донял страх, и появилась мысль обратиться к милиционеру. Но тут как раз подали состав на Ярославль, и Аня увидела, что Тихон Дмитриевич совсем не собирается в него садиться. Он расположился со своей корзиной в глубине платформы, закрыл глаза, уткнулся носом в воротник плаща и дремлет. Объявление о посадке не всколыхнуло его.

Облегченно вздохнув, Аня забралась в вагон со своей поклажей и, пока поезд не отошел, не спускала

тревожного и недоумевающего взгляда с уснувшего на перронной лавке Тихона Дмитриевича.

– Тьфу ты!.. – сказала она почти вслух, задетая тем, что все-таки осталась без мужского внимания. – Ну и Тихон, с того света спихан!..

Совсем успокоившись, она рассудила, что этот Тихон просто сошел на 83-м километре, чтобы пересест в другой вагон. Может быть, с дружкой каким-нибудь договорился, может быть, контролера приметил. Как-никак он скоротал ей два часа пути, обижаться не приходилось. А то бы всю дорогу так и проплакала.

Но Аня тут же упрекнула себя за легкомыслие: «Наболтала ему черт-те чего. Из-за какого-то дурака и про маму забыла...»

За окошком бежали, скакали темные кусты. Стекла начали потеть – к ночи еще холодало. Никогда расстояние в семьдесят пять верст не казалось ей таким длинным и тягостным. Она была от природы разговорчива и в потоке слов часто находила себе утешение. А тут вагон был почти пуст.

Дверь отворилась, и Аня вздрогнула. Вошел проводник.

– С билетом едешь?

Анин вид внушал доверие, проводник на билет даже не посмотрел. Ушел, щелкнув дверью, а Аня опять вздрогнула. Ей становилось страшно.

«Как же я лесом-то пойду? Догонит кто-нибудь, так ведь со страху умрешь!..»

Под «кем-нибудь» она невольно предположила того же Тихона Дмитриевича. Она видела, что он остался на перроне в Александрове, и все-таки теперь ни за что не могла поручиться. Вспомнила, как сама звала

его с собой, и себе же ужаснулась: «Вот ведь дура-то неумная!..»

Когда осталось ехать километра два, Аня достала из сумки резиновые сапожки и переобулась. Сапожки были такие же чистые, как и все на ней, новые. Сойдя с поезда, она несколько раз оглянулась по сторонам. У станции горели два ярких фонаря, а вокруг была одна сентябрьская сырая темень. Дорогу отыскать можно было только угадкой, небо было серо-черное, трава под ногами – кочковатая и скользкая.

Со сноровкой бывшей сельской жительницы Аня взяла наперевес через плечо свои сумки, предварительно подколов английскими булавками полы плаща-болоньи, и быстренькими шажками направилась в темноту, все больше убеждаясь, что никакой Тихон Дмитриевич за ней не идет.

...В деревне не было уже ни одного огня. Дом покойницы матери стоял весь черный, загороженный высокими черемухами. Аня опасливо обошла знакомый с детства заборчик и постучала к соседке, к Клавдее.

Снимая в сенях грязные сапожки, она уже радовалась хотя бы тому, что благополучно дошла. Было всего начало двенадцатого, но для деревни это уже полная ночь: в десять часов отглядели телевизор и легли. Тикали ходики на стенке, и шуршали в потемках поздние, вялые мухи.

Клавдея согнала с кровати двух уснувших ребят, постелила им на полу, а на кровати, на перине, уложила Аню. Перина была глубокая, большая, нагретая детьми. В Москве у Ани была тахта-кровать, жесткая, как вагонная лавка. Она подумала, что может теперь увезти перину, оставшуюся после покойницы матери,

и подушки тоже. Только не знала еще, куда днем эту перину прятать, чтобы не разрушить в комнате «стиль». А перину ей хотелось: сорокадвухлетнее пополневшее тело часто тянулось к покою.

...Да, перину-то можно было увезти. Но покоя, как Аня понимала, все равно не будет. Покрутишься с боку на бок, пока уснешь. И свет зажжешь среди ночи, потому что страшно: ведь одна осталась. Было за что обижаться на судьбу: за одно лето и муж бросил, и мать умерла. Ну, тот подлец бросил, так уж пропади он пропадом – значит, не любил. А мать-то и жалела, и любила. Такая суровая была по виду женщина, необщительная, себе на уме, а все для дочери. Приехав на другой день после ее внезапной кончины, Аня нашла в комодке сберегательную книжку, из которой видно было, что все деньжонки – и пенсию свою, и те, что сама Аня матери понемногу высылала, целы и лежат на ее, Анино, имя. Что-то около полтысячи рублей...

Вспомнив про эти полтысячи, Аня тут же подумала о том, что если удастся продать дом и все остальное, то сумма будет очень порядочная. За гардероб с зеркалом могут дать в деревне рублей пятьдесят, за круглый стол – не меньше двадцатки. Та же Клавдея возьмет: у них пообедают сесть не за что.

«Господи, о чем я сейчас думаю, дура я несчастная!» – упрекнула себя Аня. Ей стало стыдно, словно кто-то мог подслушать ее мысли. Ведь всего неделю назад она рыдала на все кладбище: «Мамочка, родная, самая разродная!.. Не отойду от твоей могилки, не троньте меня, не уводите от моей мамочки!..»

...Нет, не уснешь, хоть не только одну, три перины под бок подложи. Да еще мухи шуршат так противно,

словно земля сухая в яму осыпается, как тогда на кладбище. Кажется, вовек этого шороха не забыть!

«Мамино пальто можно будет Симе Душкиной предложить...»

Аня опять спохватилась: «Господи, опять я про это. Пальто какое-то в голову лезет!..» Она положила подушку под щеку холодной стороной. И вспомнила: «Что же это я Клавдее не сказала, что мясо у меня в сумке?! Ведь у них кошки...»

Аня прислушалась, спокойно ли в сенях.

«Не засну, нипочем не засну до самого утра... Ужас какой! Еще часу небось нет...»

И все же наконец почувствовала, что засыпает. А карглазый лихой Тихон Дмитриевич будто сказал ей на ухо:

– До свидания, Анна Александровна! Больше, смотри, не плачь.

2

Утром Аня поднялась рано, грустная и безмолвная, попила чаю у Клавдеи. Пила и ловила себя на мысли, что долго не промолчит, что хочется ей обо всем подробно с Клавдеей поговорить. Покойная мать, бывало, как только приедешь, через порог не даст переступить, уже лезет с расспросами:

– Ну, а он-то што?.. А ты ему што?.. Ну и удумали в две головы!.. А что бы с матерью-то пересоветоваться? Глотка бы не усохла.

Погудеть для нее – это было первое дело. Тебя же и обругает, но тебя же и успокоит. А Клавдея была баба застенчивая, в чужие дела никогда не лезла, да и некогда

ей было чужие дела разбирать – своих забот хватало. Вот и сейчас: пора загребать жар в печи, из чугуна суп убегает, в сених визжит и крутится в загородке поросенок Борька. И надо еще развести углевой утюг, чтобы подгладить ребятам рубашки и пионерские галстуки. Электрического утюга Клавдея из экономии не держала.

– Не припалить бы ненароком, – озабоченно бормотала она, водя тяжелым утюгом по красному, запачканному кое-где чернилами галстуку. – Шелк-то теперь все искусственный...

Отправив ребят в школу, Клавдея проводила Аню в оставшийся ей от матери дом. Сняли большой замок. В сених кисли собранные матерью еще в день смерти лесные ягоды. Заплесневели, покрылись белой тиной огурцы в большой кадке. В доме было сыро, с печи пахло луком. Мать его там рассыпала сушить, но печь уже девятый день стояла нетопленая, и лук начал портиться.

В первую минуту Аня совсем растерялась и села, не зная, с чего начать, за что приниматься.

– Чуркинский дачник спрашивал давеча, не продашь ли какую икону, – сообщила Клавдея. – Он еще у матери у твоей все примерялся купить.

– Еще чего! – рассердилась Аня. – Нахальство какое! Это же память... Ей, может быть, цены нет, а он сунет какую-нибудь пятерку!..

В этом самом доме Аня, точнее сказать, Нюра, Нюша, родилась и прожила до семнадцати лет. Потом дважды в году, среди зимы и к осени, на Иоакима и Анну, когда обе они с матерью были именинницы, она приезжала сюда гостить – от Москвы было неполных двести верст. В этом доме она знала каждую наклеенную на

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

ИРИНА ВЕЛЕМБОВСКАЯ

ЖЕНЩИНЫ

Ответственный редактор Ю. Раутборт

Технический редактор А. Сеницына

Корректоры Н. Быкова, П. Шевнина

Верстка В. Ермак

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.03.2025.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж 3000 экз. Т-HWL-37130-01-R. Заказ № .

Изготовитель: Өндіруші:

ООО «Издательская Группа «Издательская Группа

«Азбука-Аттикус» – «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –

обладатель товарного знака Азбука Азбука тауар белгісінің иесі

115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский

Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа Санкт-Петербург қаласындағы

«Азбука-Аттикус» «Азбука-Аттикус»

в г. Санкт-Петербурге Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы

191024, Санкт-Петербург, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,

Херсонская ул., д. 12–14, лит. А 12–14 үй, лит. А

Тел. (812) 327-04-55 Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін

растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции

(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

